

Философский дискурс в проблематике дискурса.

Прежде, чем начинать разговор об особенностях французского философского дискурса, хотелось бы определиться с самим понятием дискурса. Дискурс – это один из самых многозначных и противоречивых терминов. Его нельзя однозначно отнести ни к лингвистике, ни к философии, ни к какой-либо другой области знания. Одной стороной дискурс обращен к прагматической ситуации, которая привлекается для определения связности дискурса, его коммуникативной адекватности, для выяснения его импликаций и пресуппозиций, для его интерпретации. Другой стороной дискурс обращен к ментальным процессам участников коммуникации.

Учитывая все-таки, что понятие дискурса впервые возникло в лингвистике, было бы правомерным, на наш взгляд, рассмотреть тот спектр значений этого понятия, которые предлагают лингвисты.

Термин дискурс (фр. discours, англ. discourse) начал широко употребляться в начале 70-х гг. прошлого столетия, первоначально в значении близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин "функциональный стиль" (речи или языка). Причина того, что при живом термине "функциональный стиль" потребовался другой — "дискурс", заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете исследования. В то время как в русской традиции (особенно укрепившейся в этом отношении с трудами акад. В. В. Виноградова и Г. О. Винокура) "функциональный стиль" означал, прежде всего, особый тип текстов — разговорных, бюрократических, газетных и т. д., а также и соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику, в англосаксонской традиции не было ничего подобного, прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания. Англосаксонские лингвисты подошли к тому же предмету, так сказать, вне традиции — как к особенностям текстов. "Дискурс" в их понимании первоначально означал именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях. Лишь значительно позднее англосаксонские лингвисты осознали, что "дискурс" — это не только "данность текста", но и некая стоящая за этой "данностью" система.

В начале 90-х гг. XX века наблюдается быстрый рост исследований, относящих себя к «анализу дискурса», при этом, сам термин дискурс получает множество значений. Вслед за профессором французского университета «Париж – 12» Д. Мэнгёно, занимающимся вопросами анализа дискурса, нам хотелось бы отметить основные трактовки данного термина¹.

Прежде всего, дискурс рассматривается как эквивалент понятия «речь» в сосюрювском смысле, то есть как любое конкретное высказывание; он рассматривается также как единица, по размеру превосходящая фразу, т.е. высказывание в глобальном смысле: как то, что является предметом исследования «грамматики текста», которая изучает последовательность отдельных высказываний.

В рамках теории высказывания или прагматики «дискурсом» называют воздействие высказывания на его получателя и его внесение в «высказывательную» ситуацию (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, временной момент и определенное место высказывания).

¹ Maingueneau D. L'AD. Introduction aux lectures de l'archive. Paris : Hachette, 1991. P.15.

У Э. Бенвениста «дискурсом» называется речь, присваиваемая говорящим, в противоположность «повествованию», которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания. Дискурс Э. Бенвениста не является простой суммой фраз, при его рождении происходит разрыв с грамматическим строем языка. Дискурс — это такой эмпирический объект, с которым сталкивается лингвист, когда он открывает следы субъекта акта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим субъектом. Определение дискурса Э. Бенвенистом приводит к появлению в лингвистике двух противоположных подходов.

Сам Э. Бенвенист является последователем Ф. Соссюра в признании дихотомии язык/речь. В стороне от этой традиции стоит концепция дискурса, изложенная американским лингвистом З.С. Харрисом в статье «Дискурсный анализ»². Он считает дискурс простым сцеплением фраз, непрерывным высказыванием. И, по мнению этого ученого, ничто не запрещает применять к дискурсу те подходы, которые дескриптивная лингвистика использует при рассмотрении предложения.

Иногда дискурс противопоставляется языку (*discours / langue*). При этом язык трактуется как система мало дифференцируемых виртуальных значимостей, а дискурс — как диверсификация на поверхностном уровне, связанная с разнообразием употреблений, присущих языковым единицам³. Различается, таким образом, исследование элемента «в языке» и его исследование «в речи» как «дискурса».

Термин «дискурс» часто употребляется для «обозначения системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции»⁴. В данном случае под дискурсом понимается определенный тип высказывания, который вообще присущ той или иной группе людей, объединенных какой-либо позицией. (Например, феминистки или представители администрации).

Что касается школы «анализ дискурса»⁵, то она определяет свой предмет исследования, разграничивая высказывание и дискурс: «высказывание — это последовательность фраз, заключенных между двумя семантическими пробелами, т.е. двумя остановками в коммуникации; дискурс — это высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет»⁶. При этом под дискурсным механизмом понимаются процессы

² Harris Z. S. Discourse analysis // *Lg.*, 1952. Vol. 28. № 1. P. 1-30. Repr. // *The structure of language: Readings in the philosophy of language*. Englewood Cliffs (№ J.): Prentice Hall, 1964. P. 355-383.

³ См.: Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С.26.

⁴ Maingueneau D. L'AD. Introduction aux lectures de l'archive. Paris : Hachette, 1991. P.15.

⁵ Формально название «анализ дискурса» — это перенос на французский язык термина *discourse analysis*, который обозначает метод, примененный американским лингвистом З. Харрисом для распространения дистрибутивного подхода на сверхфразовые единицы. Анализ дискурса во Франции стремился создать технику чтения текста, приспособленную для раскрытия фундаментальной неустойчивости текстов, которые являются продуктами идеологической работы. В этом эпистемологическом контексте анализ дискурса утверждает себя именно как анализ (= психоанализ), применяемый по отношению к текстам. Один и тот же термин «анализ» распространяется на лингвистический, текстовый и психоаналитический уровни. К французской школе анализа дискурса относят таких мыслителей, как Ж.Лакан, М.Фуко, М.Пешё, Л.Альтюссер и многих других. (Подробнее см. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.

⁶ Maingueneau D. L'AD. Introduction aux lectures de l'archive. Paris : Hachette, 1991. P.16.

распределения и перераспределения (но вместе с тем и существования, изменения и исчезновения) дискурсивных данных (объектов, модальности высказываний, концептов и т.д.). Таким образом, взгляд на текст с позиции его структурирования «в языке» определяет данный текст как высказывание, а лингвистическое исследование условий производства текста определяет его как «дискурс».

С момента своего возникновения в лингвистике понятие дискурса претерпело множество изменений. Понимаемый в начале своего развития лишь как особенности текстовой данности в настоящее время этот термин трактуется в лингвистике как связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами, т.е. как текст, взятый в событийном аспекте, а также как речь, рассматриваемая в качестве целенаправленного социального действия, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Жизненный контекст дискурса моделируется в форме «фреймов» (типовых ситуаций) или «сценариев» (делающих акцент на развитии ситуаций).

Однако, появившись в лингвистике, понятие дискурса оказалось настолько многогранным, что нашло свое особое, более глубокое и глобальное понимание в философии, задача которой, по словам П. Рикёра, состоит в том, чтобы «неустанно открывать дискурс навстречу бытию»⁷.

Первые трактовки понятия дискурс в философии были еще непосредственно связаны с лингвистикой, а потому были отчасти противоречивы, так как философы пытались преодолеть лингвистические подходы, но в то же время опирались на них. Так, П. Рикёр, основываясь на исследованиях лингвистов, в частности Э. Бенвениста, А.-Ж. Греймаса и Н. Хомского, говорит о том, что в основе дискурса лежит высказывание, намерение которого – говорить. И именно эта функция, в противоположность закрытости универсума знаков, делает дискурс открытым. Изречение (или фраза), по мнению П. Рикёра, несет в себе все черты, которые выступают основой антиномии, существующей между структурой и событием. Структура (т.е. язык) неподвижна и фундаментальна, она существует вне зависимости от высказываний и намерений говорящего. Это система знаков, система мало дифференцируемых виртуальных значимостей, в то время, как дискурс – это диверсификация на поверхностном уровне, связанная с разнообразием употреблений. По П. Рикеру «для дискурса способом существования является акт; изречение есть актуальное событие, акт перехода, акт исчезновения. Только в дискурсе язык реализует свою способность к соотносению»⁸. Выходит, что своей событийной стороной дискурс обязан, прежде всего, высказыванию. Событие, выбор, новизна, соответствие, включающие в себя способ обозначения субъекта дискурса, являются характерной чертой дискурса. В акте дискурса субъект овладевает системой знаков, тем самым субъективность акта говорения оказывается вместе с тем интересубъективностью. Специфика дискурса заключается в том, что он располагается по ту сторону языка, но по эту сторону высказывания.

Как видим, в понимании дискурса П. Рикёр исходит из сосюрровского определения, но высказывание у него приобретает другое значение,

⁷ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 1995. С.121.

⁸ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 1995. С.134.

проясняющее, в чем заключается суть событийной стороны дискурса. Однако, это понимание дискурса еще слишком близко к лингвистике и не дает представления о его сущностных характеристиках.

Мне представляется, что более глубокое рассмотрение проблема дискурса получила в работе М. Фуко «Археология знания». М. Фуко не отрицает принадлежность дискурса к области знака: «безусловно, дискурс – событие знака, но то, что он делает, есть нечто большее, чем просто использование знаков для обозначения вещей. Именно это «нечто большее» и позволяет ему быть несводимым к языку и речи»⁹. Дискурс, по М. Фуко, – это существование рассеянных и однородных высказываний, система, которая регулирует их перераспределение, точки опоры, которые они находят друг в друге, способы, которыми они имплицитуются и исключаются, изменения, которым они подвержены, а также их взаимодействия, расположения и замещения. Философ признает, что трудно дать точное определение такому текучему понятию как дискурс. Он пишет: «Вместо того, чтобы сужать и без того смутное значение слова «дискурс», я только умножил смыслы: то ли это общая область высказываний, то ли индивидуализируемая группа высказываний, то ли установленная практика, учитывающая некоторое число высказываний...»¹⁰.

Подчеркивая, прежде всего, событийную сторону дискурса, его прерывную структуру, М. Фуко предлагает понимать под этим термином совокупность высказываний постольку, поскольку они принадлежат к одной и той же дискурсивной формации¹¹. Дискурс не образует риторической, формальной или бесконечно повторяющейся общности, появление и применение в истории которой можно было бы предсказать – он конституируется ограниченным числом высказываний, для которых можно определить совокупность условий существования. Мы находим у него такое разъяснение: «понимаемый таким образом дискурс, естественно, не является идеальной или вневременной формой, которая имела бы ко всему прочему историю; проблема состоит не в том, чтобы спросить себя, как и почему он смог появиться и воплотиться в данной точке времени; он насквозь историчен – фрагмент, общность и прерывность в самой истории, ставящей проблему собственных пределов, разрывов, трансформаций, специфических форм темпоральности скорее, нежели проблему своего внезапного появления в среде сообществ времени»¹². То есть, М. Фуко, скорее, интересуется проблема структуры (лакунарной и прерывной структуры, свойственной лишь дискурсу), а также проблема функционирования дискурса, чем вопрос возникновения дискурса в какой-то определенный момент времени.

Как видим, понятие дискурса трактуется философами и лингвистами в достаточно широком спектре определений. На наш взгляд, такое разнообразие определений возникло при анализе разными исследователями разных дискурсов, так как дискурсы отличаются друг от друга даже структурой. Каждое определение дискурса имеет в своей основе прежде всего какой-либо частный

⁹ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С.50

¹⁰ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С.81.

¹¹ В понимании М. Фуко, формация дискурса – это совокупность высказываний, основанная на лакунарных сцеплениях и рядах, на различных взаимодействиях, отстраненностях, замещениях и трансформациях.

¹² Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С.117-118.

признак (явление, довольно часто встречающееся в лингвистике). Возможно, именно в этом причина того, что ученые не нашли пока универсального определения, закона, раскрывающего возможное разнообразие признаков и форм. Так, например, М. Фуко, исследуя политический и исторический дискурсы, приходит к определению дискурса, в котором базисным уровнем его онтологической конструкции является уровень «событий». Поэтому, М.Фуко предлагает отказаться от связи дискурса и текста, говоря, что тексты – это сомнительные «узелки» в непрерывной ткани, в то время, как «анализ дискурса стремится избавиться от всякой «непрерывности», представив пространство дискурса как «рассеяние» составляющих его индивидов»¹³. Его позиция становится понятной, если принять во внимание, что именно политический и исторический дискурсы, где преобладают в первую очередь события, а не тексты, взяты за основу.

Однако обращение к философскому дискурсу заставляет принять во внимание иные признаки дискурса, и несмотря на существование мнения о том, что при исследовании дискурса необходимо отказаться от понятия текста, говоря о философском дискурсе, мы будем основываться на том, что философский дискурс – это, прежде всего, тексты. В этом состоит его отличие от других дискурсов, в которых может преобладать событийная сторона. Эта точка зрения основывается на концепции, трактующей все пространство культуры как Текст¹⁴.

Итак, философский дискурс — это текстовый дискурс. Он существует в текстах, причем таких, которым свойственна особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир. Любой философский текст – в то же время, это всегда момент более обширного дискурса. Практически в каждом тексте, а тем более в тексте философском, есть прямые отсылки к другим, не говоря уже об отсылках косвенных, которые содержатся и в названии, и чуть ли ни в каждой строке.

Получается, что в тексте, как моменте дискурса, мы имеем вовсе не индивидуальный объект, не «атом дискурса», а скорее некий узелок языковой сети. В таком аспекте пространство дискурса можно уподобить пространству ризомы Ж. Делеза и Ф. Гаттари¹⁵. «Ризома» устроена так, что в ней каждая нить имеет возможность пересечься с другой. Нет центра, нет периферии. Потенциально такая структура безгранична. Таким образом понятая ризома становится моделью «несущей конструкции» философского дискурса. Любой новый философский текст будет местом пересечения уже существовавших текстов - нитей ризомы, которые, в свою очередь, в определенный момент времени могут стать «точками перелома» философского дискурса, что обнаруживается в несовместимости понятий, типов высказываний и объектов исследования разных философских текстов, существующих в пространстве одной и той же формации. Они несовместимы и вместе с тем эквивалентны, поскольку формируются по одним и тем же правилам и в одних и тех же условиях. Их отношение может принимать форму альтернативы, и они становятся базой для альтернативных систематизаций понятий, объектов и форм высказываний.

¹³ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С.29.

¹⁴ Барт Р. S/Z. М., 2001.

¹⁵ G. Deleuze, F. Guattari. Rhizome. P., Minuit, 1976.

Именно в этих «точках перелома» и возникает смена философских парадигм, возникают новые течения и идеи.

Другая особая, конституирующая черта философского дискурса состоит в том, что он предполагает и создает своего рода идеального адресата. Именно установка на этого идеального адресата и составляет одну из основных трудностей перевода французских философских текстов на русский язык. Этот идеальный адресат может быть определен как тот, кто принимает все presupпозиции каждой фразы, что позволяет философскому дискурсу осуществиться. Именно поэтому в философском дискурсе особый интерес представляет изучение имплицитного, невысказанного, так как любой философский текст – это пересечение уже существующих и зарождающихся новых идей, их разнообразные интерпретации и огромное количество presupпозиций, делающих этот текст непонятным для неподготовленного читателя. Что, в свою очередь, делает этот текст практически недоступным для носителей другого языка. Это обусловлено тем, что воспринимающий текст оригинала лишен возможности самостоятельно извлекать имплицитное интерпретационное значение, так как ограничен системой другого языкового кода. Кроме того, сознание носителя, в данном случае русского языка, воспринимает текст французского оригинала не на фоне целостного пространства культуры, которое только и позволяет «расшифровывать» presupпозиции французского философского дискурса, а на фоне лишь его фрагментов.

Стоит, по-видимому, определить, что такое presupпозиция. Понятие presupпозиции экстраполировано из логики. Под этим термином понимается один из экстралингвистических факторов (или средств), позволяющее достичь лингвистической связности текста. Presupпозиция необходима для того, чтобы адресат философского текста смог охватывать и воспринимать макроструктуру текста, то есть полный объем текстуальной информации, иначе текст распадется на отдельные смысловые фрагменты, в то время, как важно достичь совпадения фоновых знаний.

Применительно к дискурсу presupпозиция развивается в более глобальное понятие преконструкта. Вопрос о преконструкте оказался тем недостающим звеном, которое позволило теории дискурса опереться на языковые явления. Предыстория вопроса здесь такова. Значение для дискурса понятий presupпозиции и импликации, разработанных французским лингвистом О. Дюкро, отмечал в своих трудах один из виднейших представителей французской школы «анализ дискурса» М. Пешё. Перенеся на лингвистическую почву проблему presupпозиции логика Г. Фреге, О. Дюкро обратился к важнейшему моменту дискурса: имеется в виду отношение дискурса к «уже услышанному», «уже имеющемуся». Именно понятие presupпозиции послужило источником возникновения преконструкта М. Пешё и П. Анри. Их концепт преконструкта образовался из критического прочтения Г. Фреге и О. Дюкро.

В отличие от О. Дюкро, для которого вопрос о presupпозиции включен в теорию речевых актов, для М. Пеше и П. Анри, напротив, вопрос о presupпозиции касается непосредственно отношений синтаксиса и семантики, он находится именно в той точке, в которой дискурс соединяется с языком. Не имея ничего общего с логической интерпретацией, синтаксические структуры, допускающие присутствие определенных элементов, вне эксплицитного утверждения субъекта, трактуются как следы предшествующих конструкций, как

комбинации языковых элементов, уже сформулированных в прошлых дискурсах и которые в них черпают свой эффект очевидного присутствия. Исходя из этого, логический термин пресуппозиции должен быть заменен. Новое понятие преконструкта, не имеющее никакого логического значения, представляет собой переформулированное понятие «пресуппозиция» на основе теории дискурса. Оно позволяет осмыслить и представить понятие интердискурса, которое стало основным концептом теории дискурса.

Преко́нструкты – это неотъемлемая часть любого дискурса. Что касается философского дискурса, то здесь их роль приобретает особое значение и в этом заключается еще одна отличительная черта философского дискурса, так как речь идет о простых высказываниях, либо взятых из предыдущих дискурсов, либо представленных таковыми. В философском дискурсе каждый новый текст – это пересечение большого количества уже существующих текстов, высказываний, которые подразумеваются, но не называются напрямую, так как невозможно расшифровать все то огромное количество преконструктов, которое содержится в философском тексте. Преко́нструкт строится внутри дискурса. Важно то, что именно номинализованное высказывание есть преко́нструкт, т.к. субъект акта производства высказывания не берет на себя ответственность за него, оно является как бы само по себе частью уже существующей данности, предшествующей дискурсу, с помощью которой заполняется одно из мест в предикативном отношении: ведь условия производства высказывания отныне стерты.

На уровне высказывания, представляющего собой конечный, конкретный и единственный, непосредственно «данный» продукт, смешаны друг с другом (по причине формулирования и того и другого в одном и том же акте высказывания) то, что сказано, и то, о чем сказано. Но то, что сказано, и то, о чем сказано, различаются между собой своими метаязыковыми моментом и местом построения. Некоторые элементы, обозначенные как преко́нструкты, производятся до и вне акта высказывания - акта, следы которого обнаруживаются лингвистически в формальных маркерах (главным образом глагольных, но также в равной степени для русского языка и номинальных) принятия ответственности субъектом высказывания.

Такое предшествование (смещение) в построении некоторых элементов представляет объект дискурса как нечто внешнее по отношению к дискурсу: преко́нструкты «уже тут», в наличии, поскольку предшествуют операциям по принятию ответственности за высказывание. Они относятся к миру вещей, являются «предметами», которыми субъект высказывания может завладеть. Вопрос о преко́нструкте, в свою очередь, непосредственно связан с концептом интердискурса.

К выработке понятия «интердискурс» привела мысль о том, что текст, вопреки обычным представлениям, не формируется связующими его элементами, что невысказанное, имплицитное является составным в любом дискурсе. А в философском дискурсе это невысказанное многократно превосходит сказанное. Кроме того, здесь проблема имплицитного приобретает особое значение и звучание. В философском дискурсе то, что не сказано, относится не только к несказанному, понимаемому как имплицитное, к тому, что не говорится, но что необходимым образом входит в состав сказанного. В философском дискурсе умолчание имеет дело с границами различных дискурсов, иными словами, -

говoreние в своей совокупности определяется связями между различными дискурсами. Каждый дискурс определяет, что может и что должно быть сказано с определенной позиции в данных обстоятельствах. Что касается «политики умолчания» — и, следовательно, «возможности говорения», — взаимодействие между различными дискурсами предстает как риторика антимплицитного, т.е. есть как нежелательный, отбрасываемый смысл, который необходимым образом исключен из сказанного. Таким путем заглушаются смыслы, которые хотят избежать, смыслы, которые могли бы заставить функционировать механизм означивания в «другом» дискурсе. Но молчание воздействует на границы дискурса, очерчивая тем самым границы говорения.

Возвращаясь к концепту интердискурса, можно сказать, что все пространство философского дискурса по отношению к его отдельным проявлениям — текстам — представляет собой интердискурс, содержащий в себе все «уже-сказанное». Интердискурс определяется здесь как место конституирования смыслов, вертикальность (сфера памяти) говорения, которая проявляется в виде преконструктов, в виде «уже-сказанного». Однако, точно такая же связь существует и между различными дискурсами, а не только внутри философского дискурса и составляющих его текстов. Существование общего поля интердискурса в рамках всей мировой культуры делает каждый дискурс открытым для новых оригинальных идей, синтетических решений и, в конечном счете, новых дискурсов.

Таким образом, существует связь между границами различных дискурсов, которая свидетельствует о наличии связи дискурса с соответствующим внешним окружением. Это находит свое проявление в интердискурсе и способе его функционирования (преконструкты), который, в свою очередь, свидетельствует о присутствии интердискурса («уже-сказанного») в интрадискурсе, представляющем собой последовательность высказываний, которая формулируется и реализуется в действительности.

Таково направление рефлексии, в котором может быть осмыслена проблема гетерогенности и различия: всякий дискурс свидетельствует о своей связи с другими дискурсами (которые он исключает, включает или предполагает и т.д.) и с интердискурсом (который его определяет).

Утверждение примата интердискурсивности конкурирует с другим подходом, рассматривающим дискурсную формацию как совершенно замкнутое целое. Процесс высказывания не развивается по линии намерения, замкнутого на своем собственном желании, как это утверждалось бы в прагматике или в персоналистском толковании высказывания, — он насквозь пропитан угрозой смещения смысла. И это невидимое и одновременно назойливое присутствие постоянно удваивает нормальное высказывание с самого момента его возникновения. Невозможно было бы, таким образом, разделить интрадискурсивность от интердискурсивности, поскольку отношение к другому является разновидностью отношения к самому себе, которое никогда не может быть абсолютно замкнутым.

Как видим, любой дискурс — это сложившаяся целостность, определенная некоторым количеством высказываний, связанных между собой так, что они оказываются совместимыми друг с другом. Но эта целостность не сплошная, поскольку, помимо актуализированных высказываний, существуют незаполненные «лакуны» для возможных, но не актуализированных еще

высказываний. Однако степень замкнутости / открытости дискурса варьируется в достаточно широких рамках.

Возвращаясь к философскому дискурсу, отметим, что он долгое время был замкнут сам на себя, не допуская образования новых дискурсов внутри себя, которые могли бы существовать синхронно и быть относительно автономными. Автономные дискурсы в пространстве философского дискурса долгое время могли существовать только диахронно, то есть, исторически сменяя друг друга. Однако смещение философии в область прагматики оказалось важным прежде всего для самой философии: философский дискурс начал размываться, терять свою метафизическую замкнутость и жесткость - философия становится все более открытой и многообразной. Теперь место «другого дискурса» не рядом с философским дискурсом, а внутри него.

Французский философский дискурс характеризуется достаточно ярко выраженной открытостью. Такой особенностью французский философский дискурс обязан, прежде всего, особому построению всех французских научных текстов, их особой стилистике. Научный стиль французского языка сформировался на базе дидактической и научно популярной литературы, которая, наряду с решением собственно теоретических задач, активно стремилась к широкой популяризации достижений науки¹⁶. Это обстоятельство во многом предопределило то, что научный стиль французского языка, особенно второй половины XX века, в отличие от русского, не так строго отграничивается от общепотребительного языка. Во французских философских текстах часто используются метафоры и другие виды переноса значений, эмоционально окрашенные эпитеты, риторические приемы, более характерные для разговорного стиля или художественной речи. Подобные работы, например, в русском языке «написаны в строго академической, объективно-описательной манере, и лишены эмоциональности и стилистических “красот”»¹⁷.

Таким образом, открытость французского научного языка XX века для общепотребительного, сделала возможным довольно легкое пересечение самых разнообразных дисциплин, зачастую несовместимых, что в свою очередь, делает философский дискурс доступным для других дискурсов. То, что все они функционируют на основе общепотребительного языка, а не строгих академичных изложений, загроможденных сложной терминологией и разнообразными теориями, что больше свойственно немецкому философскому тексту, привело к тому, что в настоящее время французский философский дискурс стал весьма подвижным и не может оказывать сопротивления появлению и распространению высказываний, которые не соответствуют правилам функционирования этого дискурса. С одной стороны, это даст возможность для возникновения новых оригинальных идей и их интерпретаций, но с другой - практически полностью размывает его границы.

¹⁶ Brunot F. Histoire de la langue française. Paris, 1930. Vol.VI. P. 524.

¹⁷ Подробнее см.: Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.